

В.Д. Оскоцкий

Евтушенко Евгений Александрович

(18.7.1933, станция Зима Иркутской области)

поэт, прозаик, публицист, киносценарист, кинорежиссер

Родители — геологи, мать впоследствии певица, заслуженный работник культуры РСФСР. Рос и учился в Москве, посещал поэтическую студию Дома пионеров. Был студентом Литературного института им. М. Горького, исключен в 1957 за выступления в защиту романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». Первые публикации стихов — 1949, в газете «Советский спорт». Принятый в СП СССР в 1952, стал самым молодым его членом.

Первая книга — «Разведчики грядущего» (1952) — несла приметы декларативной, лозунговой, пафосно-бодряческой поэзии рубежа 1940-50-х. Подлинно дебютными стали не она и не вторая книга — «Третий снег» (1955), а третья — «Шоссе энтузиастов» (1956) и четвертая — «Обещание» (1957) книги, а также поэма «Станция Зима» (1953–1956). В них формируются выразительные особенности поэтического почерка Евтушенко: богатство ритмики, корневая ассонансная рифма, равное тяготение к ораторской патетике и бытовизму разговорной речи, стихам лирически исповедальным и сюжетно-балладным. В них — завязь некоторых постоянных, излюбленных тем: неослабная память военного детства, проведенного в эвакуации, на «малой родине» в Сибири («Сапоги», 1954; «Свадьбы», «Фронтовик», оба — 1955). Именно в этих двух сборниках и поэме Евтушенко осознает себя поэтом нового, вступающего в жизнь поколения, которое позже назовут поколением «шестидесятников», и громко заявляет об этом программным стих. «Лучшим из поколения» (1957).

Мироощущение, умонастроение молодого Евтушенко складывались под воздействием сдвигов в самосознании общества, вызванных первыми разоблачениями «культы личности» Сталина. Их Евтушенко почувствовал раньше и острее многих:

И голосом ломавшимся моим
ломавшееся время закричало.

Отсюда сквозные для него мотивы обновления жизни, в которую возвращаются люди «из долгого отлученья от нас» (стихотворение, посвященное Я. Смелякову).

Воссоздавая обобщенный портрет молодого современника «оттепели», Евтушенко пишет собственный автопортрет, вбирающий духовные реалии как общественной, так и литературной жизни. Ключевые полярные понятия неправды и правды — времени, судьбы, искусства — становятся при этом фундаментальными опорами гражданской позиции поэта как позиции социально активного действия. Углублением и укрупнением ее в последующие годы станут не только стихи и поэмы, но и безбоязненные поступки в поддержку преследуемых талантов, в защиту достоинства литературы и искусства, свободы творчества, прав человека. Таковы многочисленные телеграммы и письма протеста против суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем, травли А. Солженицына, советской оккупации Чехословакии, правозащитные акции заступничества за репрессированных диссидентов — генерала П. Григоренко, писателей А. Марченко, Н. Горбаневскую, З. Крахмальникову, Ф. Светова, поддержка Э. Неизвестного, И. Бродского, В. Войновича. И это, и многое другое имели в виду председатели КГБ В. Семичастный, заявивший, что Евтушенко «опаснее десятка диссидентов», и Ю. Андропов, сигнализировавший в политбюро ЦК КПСС об «антисоветском поведении» поэта.

Полемический вызов, какой Евтушенко уже в пору своих дебютов отважно бросал идеологическим, пропагандистским, моралистическим постулатам сталинизма, встрево-

жил официальную критику. Яростное неприятие тогдашних охранителей встретила прозаическая «Автобиография» Евтушенко, напечатанная во французском еженедельнике «Экспрессе» (1963). Участники проходившего в то время пленума правления СП СССР под председательством А. Корнейчука хором и наособицу обвиняли поэта в идейном ренегатстве, в клевете на советский строй и советскую литературу. Взаимоотношения Евтушенко с критикой — тема особая и зачастую драматичная. Поэт прав, сетуя на чрезмерное пристрастие к себе: «Одни, галдя, меня хвалили, и мед мне на дорогу лили, другие деготь лили зло». Как прав и в том, что он сам о себе высказал «гораздо больше резкостей, чем все мои критики, вместе взятые».

Свой идейно-нравственный кодекс поэт не однажды называл кодексом гражданственности («Поэт в России — больше, чем поэт...») и недекларативно подтверждал стихами, обнародование которых, будучи актом гражданского мужества, становилось крупным событием как литературной, так и (не в меньшей, если не в большей мере) общественной жизни: «Бабий Яр» (1961), «Наследники Сталина» (1962), «Танки идут по Праге» (1968), «Афганский муравей» (1983). Эти вершинные явления гражданской лирики Евтушенко не носили характера одноразового политического действия. Так, «Бабий Яр» прорастает из стихотворения «Охотнорядец» (1957) и, в свою очередь, отзываются в 1978 другими созвучными строчками:

У русского и у еврея
Одна эпоха на двоих,
Когда, как хлеб, ломая время,
Россия вырастила их.

Стихотворение «Наследники Сталина» не только закономерно венчает «антикультовские» раздумья молодого Евтушенко «и о путях России прежней, и о сегодняшней о ней», но перебрасывает мост к середине 1980-х, которыми датированы стихи, знаменующие последний и окончательный расчет со сталинистским прошлым: «Похороны Сталина», «Дочь комдива», «Еще не поставленные памятники», «Вдова Бухарина». Открытый, резкий протест против оккупации Чехословакии и колонизаторской войны в Афганистане под лицемерным, демагогическим лозунгом «интернационального долга» подготовлен истинно интернационалистскими устремлениями поэта, выстрадавшего на ближних и дальних дорогах мира твердые убеждения: «Несчастье иностранным быть не может». Одновременно это и позиция подлинного патриота, умеющего, как сказано в стихотворении начала 1970-х «Возрождение», «глазами чеха или венгра взглянуть на русские штыки» и устыдиться их во имя любви к собственной родине.

Частым поездкам по стране, цюгда очень дальним — русскому Северу и Заполярью, Сибири и Дальнему Востоку — поэт обязан как многими отдельными стихами, так и большими циклами и книгами стихов. Немало путевых впечатлений, наблюдений, встреч влилось в сюжеты поэм — широта географии целенаправленно работает в них на эпическую широкоохватность замысла и темы. Творческий импульс к созданию «Баллады о браконьерстве» (1963) задан встречей с «владыкой Печоры» — образцовым председателем передовой рыболовецкой артели, чьи «геройские» показатели в труде достигнуты хищническим истреблением рыбных богатств края. Сиюминутно потребительское, варварское отношение к природе поднято до общенародного бедствия, экологическое браконьерство осмыслено как браконьерство экономическое, социальное, духовное. Таков первый смысловой пласт баллады. Второй, созвучный тогда же написанной «Балладе о стихотворении Лермонтова “На смерть поэта” и о шефе жандармов» — протест против стимулированных хрущевскими встречами с интеллигенцией расправ над молодыми писателями, художниками, кинематографистами, композиторами, чьи «жабры» ломаются о «чертовы эти ячейки» идеологических сетей...

Тематическое, жанровое, стилевое многообразие, отличающее лирику Евтушенко,

в полной мере характеризуют и его поэмы. Лирическая исповедальность ранней поэмы «Станция Зима» и эпическая панорамность «Братской ГЭС» (1964) — не единственные крайние полюса. При всей их художественной неравнозначности, каждая из 18 евтушенковских поэм отмечена «лица необщим выраженьем». Как ни близка «Братской ГЭС» поэма «Казанский университет» (1970), она и при общей эпической структуре обладает собственным, специфическим своеобразием. Недоброжелатели поэта не без тайного и явного злорадства ставят в вину самый факт написания ее к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Между тем «Казанский университет» — не юбилейная поэма о Ленине, который и появляется, собственно, в 2 последних главах (всего их 17). Это поэма о передовых традициях русской общественной мысли, «пропущенных» через историю Казанского университета, о традициях просветительства и либерализма, вольнодумия и свободолюбия.

В русскую историю погружены поэмы «Ивановские ситцы» (1976) и «Непрядва» (1980). Первая более ассоциативна, вторая, приуроченная к 800-летию Куликовской битвы, — событийна, хотя в ее образный строй, наряду с эпическими картинами повествовательного плана, воссоздающими далекую эпоху, включены лирические и публицистические монологи, стыкующие многовековое прошлое с современностью.

На виртуозном сцеплении многочисленных голосов публики, падкой до будоражающих зрелищ, быка, обреченного на заклание, молодого, но уже отравленную «ядом арены» тореро, приговоренную, пока не погибнет сам, вновь и вновь «убивать по обязанности», и даже пропитанного кровью песка на арене строится поэма «Коррида» (1967). Ее гуманистический пафос концентрированно выражен в финальном монологе старую испанского поэта, воспринимающего мир сплошной, непрерывной корридой. Спустя год волнующая Евтушенко «идея крови», которой оплачены многовековые судьбы человечества, вторгается и в поэму «Под кожей статуи Свободы», где в единую цепь кровопролитных трагедий мировой истории ставятся убийства царевича Дмитрия в древнем Угличе и президента Джона Кеннеди в современном Далласе.

В ключе сюжетных повествований о человеческих судьбах выдержаны поэмы «Снег в Токио» (1974) и «Северная надбавка» (1977). В первой поэменный замысел воплотился в форме притчи о рождении таланта, высвободившегося из оков недвижимого, освященного вековым ритуалом семейного быта. Во второй — непритязательная житейская быль произрастает на сугубо российской почве и, поданная в обычном потоке будней, воспринимается их достоверным слепком, содержащим много привычных, легко узнаваемых подробностей и деталей.

Синтез эпики и лирики отличает развернутую в пространстве и времени политическую панораму современного мира в поэмах «Мама и нейтронная бомба» (1982) и «Фуку!» (1985). Иногда органичность синтеза нарушается избыточной риторикой и лозунговой патетикой, публицистическими длиннотами и повествовательным многословием.

Для каждой поэмы Евтушенко находит свою формальную доминанту, не исключаящую, однако, многообразия форм и внутри отдельно взятой поэмы. Так было еще в «Братской ГЭС», а затем в «Казанском университете», в целом выдержанных в классических традициях русского стиха. Притчеобразная поэма «Снег в Токио», повесть в стихах «Голубь в Сантьяго» (1978), поэма «Мама и нейтронная бомба» написаны верлибром. В поэме «Под кожей статуи Свободы» Евтушенко увлекло экспериментальное соединение собственно поэтических глав, выдержанных в разных ритмах, и глав, написанных ритмизированной прозой. Оправдавшийся эксперимент закреплен на куда большем пространстве поэмы «Фуку!».

В поэтическом словаре Евтушенко слово «застой» появилось еще в середине 1970-х, то есть задолго до того, как оно вошло в политический лексикон «перестройки». В стихах конца 1970-х — начала 1980-х мотив душевного непокоя, разлада с «застойной» эпохой

выступает одним из доминирующих. Ключевое понятие «перестройка» появится спустя время, но ощущение тупиковости «доперестроечного» пути уже владеет поэтом. Закономерно поэтому, что он стал одним из тех первых энтузиастов, кто не просто принял идеи «перестройки», но деятельно способствовал их претворению в жизнь. Совместно с академиком А. Сахаровым, А. Адамовичем, Ю. Афанасьевым — как один из сопредседателей «Мемориала», первого массового движения российских демократов. Как общественный деятель, ставший вскоре народным депутатом СССР и возвысивший свой депутатский голос против цензуры и унижительной практики оформления зарубежных выездов, диктата КПСС, ее — от райкомов до ЦК — иерархии в кадровых вопросах и монополии государства на средства производства. Как публицист, активизировавший свои выступления в демократической печати. И как поэт, чья возрожденная вера, обретая новые стимулы, полнозвучно выразила себя в стихах второй половины 1980-х: «Пик позора», «Перестройщикам перестройки», «Страх гласности», «Так дальше жить нельзя», «Вандея». Последнее — и о литературном бытии, в котором назревал неизбежный раскол СП СССР, чье монолитное единство оказалось одним из фантомов пропагандистского мифа, исчезнувшим вслед за «гекачеписистским» путчем в августе 1991.

В 1990-е поэтическая активность Евтушенко несколько ослабевает. Объясняется это не только его длительным пребыванием на преподавательской работе в США, но и все более интенсивными творческими исканиями в других литературных жанрах и видах искусства. Еще в 1982 он предстал в качестве романиста, чей первый опыт — «Ягодные места» — вызвал разноречивые, от безоговорочной поддержки до резкого неприятия, отзывы и оценки. В развернутой панораме действия, свободно перемещаемого, как это было в политических поэмах, во времени и пространстве, проступает тема, особенно волнующая Евтушенко, — связи времен и поколений, их духовной преемственности, неестественных самопроявлений личности. Второй роман — «Не умирай прежде смерти» (1993) с подзаголовком «Русская сказка» — при всей калейдоскопичности сюжетных линий, разнородности населяющих его героев имеет своим направляющим стержнем драматичные ситуации «перестроечной» поры. Заметным явлением современной мемуарной прозы стала книга Евтушенко «Волчий паспорт» (1998).

Итог более чем двадцатилетней не просто составительской, но исследовательской работы Евтушенко — издание на английском в США (1993) и русском (М.; Минск, 1995) языках антологии русской поэзии 20 века «Строфы века». Фундаментальный труд, достойный внимания и поддержки, внушительное, но не единственное свидетельство огромного вклада Евтушенко в благородное дело пропаганды русской поэзии как в нашей стране, так и за рубежом, встретил, однако, в России негативные отклики, исходившие от поэтов, либо обойденных составителем, либо представленных не так широко, как им хотелось бы. Зарубежный интерес к антологии опирается на объективное признание ее научного значения, в частности, как ценного учебного пособия по университетским курсам истории русской литературы.

Евтушенко был редактором многих книг, составителем ряда больших и малых антологий, вел творческие вечера поэтов, составлял радио- и телепрограммы, организовывал грамзаписи, сам выступал с чтением стихов А. Блока, Н. Гумилева, В. Маяковского, А. Твардовского, писал статьи, в том числе для конвертов пластинок (об А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштаме, С. Есенине, С. Кирсанове, Е. Винокурове, А. Межирове, Б. Окуджаве, В. Соколове, Н. Матвеевой, Р. Казаковой и многих других).

Всему пути Евтушенко неотлучно сопутствовал отнюдь не любительский и вовсе не дилетантский интерес к кино. Видимое начало его кинотворчеству положили «поэма в прозе» «Я — Куба» (1963) и кинофильм М. Калатозова и С. Урусевского, снятый по этому сценарию. В фильме С. Кулиша «Взлет» (1979) поэт снялся в главной роли — К. Циолковского. По собственному сценарию «Детский сад» поставил одноименный

кинофильм (1983), в котором выступил и как режиссер, и как актер. В том же триедином качестве сценариста, режиссера, актера выступил в кинофильме «Похороны Сталина» (1990).

Произведения Евтушенко переведены на 72 языка. Издано более 80 книг стихов; из них более 20 книг переведено на языки народов бывшего СССР; около 10 книг публицистических статей и литературно-критических эссе, два романа, две повести — «Пирл-Харбор» (1967) и «Ардабиола» (1981), 2 рассказа, 5 киносценариев, пьесы для театра и 170, включая отдельные книжные издания, переводов со многих языков страны и мира. Еще одна грань разностороннего таланта — персональная фотовыставка «Невидимые нити», демонстрировавшаяся в 14 городах бывшего СССР, побывавшая в Италии и Англии.

О жизни и творчестве Евтушенко написано более 300 общих работ, сотни статей и рецензий об отдельных сборниках и произведениях, около 100 — о поэтических переводах, около 200 — о языке и стиле поэта; более 100 произведений поэта стимулировало создание музыкальных произведений, начиная от «Бабьего Яра», вдохновившего Д. Шостаковича на едва не запрещенную Тринадцатую симфонию, и кончая популярными песнями на слова поэта: «Хотят ли русские войны», «Вальс о вальсе», «Бежит река, в тумане тает...», «Дай Бог» и др. Всего более тысячи наименований! А вместе с пародиями и эпиграммами, шаржами и посвящениями — близко к полутора...

Газетные и журнальные публикации стихов, датированных 1992–1996, «Стихи из последней книги», включенные в роман «Не умирай прежде смерти», книга «Поздние слезы» (1995), эксклюзивное издание «Бог бывает всеми нами...» и поэма «Тринадцать» (1996) свидетельствуют, что в «постперестроечное» творчество Евтушенко вторгаются мотивы иронии и скепсиса, усталости и разочарования. Его творческий мир — точнейший, безотказный сейсмограф духовного состояния общества, сознания и умонастроений, менявшихся на протяжении лет и десятилетий — от дуновений «оттепели» до заката «перестройки». И далее — до нынешних проблем пока еще малоопытной российской демократии.

Евтушенко — почетный член Американской академии искусств, действительный член Европейской академии искусств и наук.